

А.Л. Грязнов

Научно-исследовательский центр «Древности» (Вологда)

КНЯЖЕСКОЕ И МОНАСТЫРСКОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ В КЕМЕ ПО ОПИСАНИЯМ СЕРЕДИНЫ XVI – СЕРЕДИНЫ XVII ВВ.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ,
проект «Родовое землевладение Белозерских князей в XV–XVI вв.» № 17-01-00073*

В статье исследуется трансформация крупной княжеской вотчины после ее перехода в состав латифундии Кирилло-Белозерского монастыря. Полнота и сопоставимость государственных и внутривотчинных описаний дают возможность выявить различие в подходах к управлению вотчинным хозяйством у крупного светского землевладельца и еще более крупного духовного.

Землевладение, вотчина, монастырь, князья, Белозерье, акты, писцовые книги.

В середине XVI в. Белозерские князья сохраняли в своих руках большую часть родовых вотчин, появившихся в конце XIV – начале XV в. [9, с. 412–420; 12, с. 64–65]. Хотя в первой половине XVI в. уже наметились тенденции, которые несли потенциальную угрозу для дальнейшего существования родового княжеского землевладения, но для большинства фамилий они еще не приобрели значимых масштабов. Более уязвимы в этом плане оказались Ухтомские [10, с. 345–346; 11, с. 94–114; 14, с. 6–18] и Шелешпальские [16, с. 105–151], тогда как, например, Кемские смогли выработать и поддерживать функционирующие стратегии, позволившей им на протяжении нескольких десятилетий оставаться крупнейшими белозерскими землевладельцами (не считая корпоративного собственника – Кирилло-Белозерского монастыря и великокняжеских дворцовых земель) [7]. Тем не менее, к концу XVI в. структура землевладения на основной территории Белозерья (составлявшей в XVI–XVII вв. Белозерский уезд), подверглась кардинальной трансформации. Видимо, уже к 1570-м гг. здесь было ликвидировано не только княжеское землевладение, но и вотчины нетитулованных землевладельцев. В начале XVII в. во всем Белозерском уезде насчитывалось 46 вотчин, из которых только три восходили к доопричным родовым вотчинам. Одна – владение рода Медведевых, а две – князей Вадбольских [4, с. 101–108].

К сожалению, семейных архивов за XV–XVI вв. большинства Белозерских князей, владевших родовыми вотчинами в Белозерском уезде (Каргаломских, Андомских и Вадбольских), не сохранилось [8, с. 138–142]. О том, насколько объемными могли быть эти архивы, наглядно показывают сохранившиеся фрагменты владельческих архивов князей Ухтомских и Кемских. В архивах нескольких монастырей сохранились тексты 37 актов трех ветвей князей Ухтомских, а еще два десятка актов известны по упоминаниям [8, с. 151–175]. В составе архива Кирилло-Белозерского монастыря отложилось более четырех десятков актов,

относящихся к владениям всех ветвей князей Кемских [8, с. 176–199]. Большая их часть связана со складыванием вотчины кн. Семена Ивановича Нащокина-Кемского, в 1556/57 г. перешедшей во владение Кириллова монастыря. Это дало основание А.И. Копаневу утверждать, что большая часть родовых вотчин князей Кемских попала в руки Кирилло-Белозерского монастыря [19, с. 165]. Хотя это утверждение и ошибочно (владения кн. Семена Ивановича составляли около 1/6 части Кемы) [13, с. 284, 291–292, 297], тем не менее, источники позволяют не только реконструировать очень динамичную историю крупной княжеской вотчины в период ее существования, но и проследить ее трансформацию в составе сверхкрупной монастырской латифундии.

Важным моментом здесь является то, что вотчина в Кеме перешла к монастырю в результате одной сделки и в последующем ее границы и состав оставались неизменными. Кроме того, по переписной книге 1601 г. среди всех владений Кирилло-Белозерского монастыря кемская вотчина была самой большой по числу живущих деревень и собираемому денежному оброку (в обоих случаях более 10%)¹. Полнота и сопоставимость государственных и внутривотчинных описаний кемского владельческого комплекса дают возможность взглянуть на формирование и эволюцию крупной вотчины под разными углами и таким образом более полно восстановить ее хозяйственную историю.

Всего за столетний промежуток (с середины XVI по середину XVII в.) вотчина в Кеме была описана пять раз. Первое сохранившееся описание этой вотчины содержится в сотных выписях из писцовых книг Федора Федоровича Хидырщикова 1543/44 г. на четыре вотчины братьев Андрея, Семена [26, с. 117–

¹ Конкуренцию кемской вотчине составляли только владельческие комплексы, расположенные в непосредственной близости от монастыря и насчитывающие к тому времени уже полуторазековую историю.

119], Михаила и Александра [20, л. 900–903 об.] Ивановичей Нащокиных-Кемских. В результате ряда сделок (купчих, деловых и меновных) более половины этого земельного массива оказалось в руках Семена Ивановича Нащокина-Кемского, который в 1556/57 г. продал все свои владения в Кеме Кирилло-Белозерскому монастырю [17, с. 83–84]². Уникальность этого описания в том, что материалов работы писцовой комиссии Ф.Ф. Хидырщикова на Белоозере практически не сохранилось. Текстуально сохранились только сотные на вотчины Кирилло-Белозерского монастыря [25, с. 184–204], Успенской Ворониной пустыни [3, с. 116] и Филиппо-Ирапского монастыря [5, с. 339], а по упоминанию известна сотная на владения Троицкого Усть-Шехонского монастыря [3, с. 121–122]. По другим светским владениям на Белоозере описаний середины XVI в. не сохранилось.

Обстоятельства сложились так, что практически сразу после включения кемской вотчины в состав владений Кириллова монастыря, в 1559 г., в монастыре началось составление обширного комплекса вытных книг. В одном из их разделов была полностью описана бывшая вотчина князя Семена Ивановича Нащокина-Кемского [6, с. 263–270], благодаря чему мы имеем возможность взглянуть на этот владельческий комплекс глазами монастырских властей. Следующее описание кемской вотчины содержится в переписной книге вотчин Кирилло-Белозерского монастыря 1601 г. [6, с. 391–394]. Затем в составе монастырской латифундии владения в Кеме были описаны в писцовой книге Белозерского уезда 1627 г. [20, л. 980–994] и переписной книге 1646 г. [20, л. 995–1005].

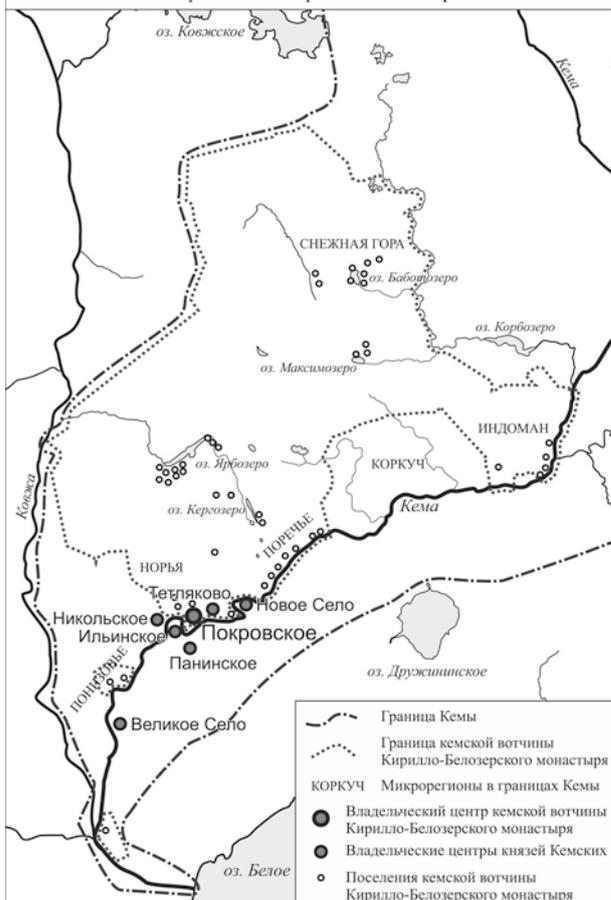
Каждое из этих описаний хотя и касается одного владельческого комплекса, но дает новые углы зрения и полнее раскрывает хозяйственную историю светской и монастырской вотчины, позволяет уловить ряд деталей, которые в большинстве случаев (при отсутствии такого комплекса кадастров и хозяйственной документации) ускользали бы от внимания.

С сотной на вотчины Андрея и Семена Кемских связана одна деталь. Хотя владельческие комплексы в ней и описаны отдельно (сначала с. Покровское кн. Андрея, а затем вотчина кн. Семена), но в подлиннике сотной эти описания помещены под одним заголовком. Как и другие известные сотные с писцовых книг Ф.Ф. Хидырщикова, эта выдана в 1543/44 г. Объясняется такой необычный вид сотной может тем, что к моменту ее выдачи (скорее всего, это был февраль 1544 г.)³, вотчина уже находилась в одних руках. И действительно, 1541/42 г. датируется купчая, по которой Семен Иванович купил вотчину с. Покровское у своего брата Андрея [23]. В свою очередь, это значит, что само описание княжеских вотчин проводилось еще до сделки между братьями, т.е. в 1539–1541 гг. [8, с. 534–535].

² Подробнее об истории вотчины Семена Ивановича изложена А.И. Копаневым [19, с. 163–165].

³ Февралем 1544 г. датируются сотные на вотчину Александра Кемского и Кирилло-Белозерского монастыря. В остальных месяцах их выдачи не указан, хотя все они были составлены подьячим Илейкой Царегородцевым (позднее стал митрополичьим дьяком).

Кемская вотчина Кирилло-Белозерского монастыря в XVI – XVII вв.

Один из разделов сотной на с. Покровское содержит описание «в Норье деревни были князь Давыдовы князь Юрьева сына Кемского» [26, с. 117]. С аналогичного указания начинается сотная на вотчину князя Александра Нащокина-Кемского: «в Кеме село Вознесенское было князь Давыдово князь Юрьева сына Кемского» [20, л. 900]. В состав владений князей Нащокиных-Кемских с. Вознесенское и вотчина в Норье попали в результате раздела в 1524 г. белозерской части вотчины бездетного князя Даниила Юрьевича Кемского [20, л. 884 об.–887; 923 об.–925 об.]. Он, в свою очередь, ранее стал наследником двух своих бездетных братьев Давыда и Ивана. Все трое в начале XVI в. выступали как владельцы единого владельческого комплекса [1, с. 255–256; 2, с. 25–27], но эти ремарки в сотных свидетельствуют, что в какой-то момент вотчина Юрьевичей была разделена на отдельные части и некоторое время существовала в таком виде⁴.

Весьма показательно, что в купчей, по которой кн. Семен Иванович продал Кирилло-Белозерскому монастырю свою вотчину, деревни были записаны в том же порядке, что и в сотных на вотчины Андрея, Семена и Александра Ивановичей. Значит, источником сведений при составлении купчей были сотные, что вполне оправдано. Это, в свою очередь, подтвер-

⁴ В сотной на вотчину кн. Семена Ивановича говорится, что две его деревни в Познизовье раньше тянули к селу Старому, вотчине кн. Даниила Юрьевича [26, с. 119]. Третьим владельческим центром Юрьевичей было с. Матвеевское, которое, судя по всему, принадлежало Ивану Юрьевичу.

ждает предположение, сделанное на основе наблюдений над купчими того же времени на вотчины князей Ухтомских, о том, что при составлении купчих использовались сведения писцовых описаний [15, с. 50]⁵.

При проведении государственных описаний писцовые комиссии с большим вниманием относились к указанию на расположение поселений. Деревни группировались и описывались по отдельным микрорегионам (Поречье, Индоман, Ярбозеро). Это характерно и для описания 1540-х гг. и 1627 г., но в описании 1646 г. внимание к микрорегионам значительно меньше, и в явном виде обозначены только некоторые из них (Ярбозеро, Баботозеро). Для монастырских внутривотчинных описаний кемского владельческого комплекса характерен совершенно иной принцип. Уже в самом первом описании – в вытной книге 1559 г., вотчина разделена на три основные части: Порецкую, Ярбозерскую и Норскую трети. Хотя внутри этих третей еще сохранились следы и локальных комплексов предыдущего времени (Индоман, Баботозеро, Понизовье), но третнее деление для монастырских властей было приоритетным⁶. В последующем эта тенденция закрепилась. В переписной книге 1601 г. вотчина делится только на три трети, других территориальных комплексов не упоминается. Изменяется и приходская структура. Если в первой половине XVI в. приходские церкви располагались во владельческих центрах (которые, за редким исключением, были сосредоточены в одном кусте поблизости от сел Никольское и Ильинское), то к 1620-м гг. погосты появляются в удаленных микрорегионах (Ярбозере, Бабутоозере и Индомане).

Кроме изменения внутренней структуры вотчины, при переходе ее во владение Кириллова монастыря вытные книги показывают еще один довольно примечательный факт. В купчей 1556/57 г. перечислены одни деревни (и, как установлено выше, этот список восходит к сотным начала 1540-х гг.), а в составленных всего через два года вытных книгах деревни перечислены под другими названиями. В общей сложности в купчей названо 105 поселений, а в вытных книгах – 95. Только село и 14 деревень в обоих перечнях имеют одинаковое название. В следующем внутривотчинном описании ядро составляет список 1559 г., сохраняя в большинстве случаев и порядок перечисления деревень внутри третей. Но тут общее число поселений опять возвращается к числу 105, а часть поселений – 17, фигурирует под новыми названиями, отсутствующими и в купчей и в вытных книгах.

В писцовой книге 1627 г. разнобой еще больше увеличивается. Всего в ней вместе с погостами фигу-

рирует 116 поселений, часть названий которых по-прежнему восходит к описаниям 1540-х гг., однако половина топонимов не фигурирует ни в одном из предыдущих описаний. При всем при этом, отчетливо видно, что сами поселения располагаются в тех же микрорегионах, что и в середине XVI в. (Понизовье, Ярбозеро, Индоман, Бабутоозеро, Снежная Гора). Значительна доля пустошей (37 штук), но, по сравнению с другими регионами, ситуация в Кеме выглядит относительно благополучно⁷. Тем не менее, писцовая книга 1627 г. обозначила тенденцию на сворачивание поселенческой активности на периферии локальных кустов поселений. На протяжении XVII–XVIII вв. она продолжила усиливаться, и к моменту проведения Генерального межевания число поселений в пределах бывшей кирилловской вотчины в Кеме сократилось более чем в два раза (до 47 поселений) [22]. Кустовой принцип расселения стал более выраженным. Жилые поселения концентрировались по берегам Кемы и крупнейших озер (Ярбозера, Кергозера, Баботозера и Максимозера), а пространства между озерами полностью запустели⁸.

Быстрая и кардинальная смена названий деревень, произошедшая в период между 1540 и 1559 г., по всей видимости, объясняется сменой крестьянского населения вотчины. Во всяком случае, в вытных книгах не удалось обнаружить ни одного крестьянина, упомянутого в сотных (тогда как в описании 1540-х гг. названия значительной части деревень были производными от имен живших в них крестьян). Подтверждает это предположение царская указная грамота на Белоозеро от 17 декабря 1559 г., в которой сообщается, что незадолго до ее издания крестьяне черных волостей «не в срок без откazu» вышли в монастырскую вотчину и владения князей и детей боярских [24, с. 40–41]⁹. В свою очередь, приведенные сведения по кемской вотчине показывают масштаб этого движения крестьянских масс, потребовавший издания особой указной грамоты¹⁰.

Требуется объяснения и колебание численности поселений в кемской вотчине во второй половине XVI в. Как отмечено выше, в купчей 1556/57 г. названо 105 поселений, в вытных книгах 1559 г. фигурирует 95 поселений, а в переписной книге 1601 г. снова названо 105 поселений. Каких-либо данных об изменениях границ вотчины в монастырском архиве не сохранилось, затрудняет анализ и кардинальная смена названий поселений. Однако ясность вносит ремарка, помещенная в вытных книгах: «А куплено то село з деревнями у князя Семена Ивановича Кемского. И то

⁷ Кризис конца XVI в. практически не затронул кемскую вотчину, однако голод 1602 г. и события Смутного времени хоть и в небольшой степени, но все же затронули Кему [18, с. 127, 131].

⁸ Например, в ближайшем к с. Покровское микрорегионе – Норье по сотной 1544 г. располагалось 20 поселений, то в конце XVIII в. здесь осталось только четыре деревни.

⁹ В соответствии с этой указной грамотой данные крестьяне должны были остаться на своих новых местах. Мобильность крестьян внутри кирилловской вотчины сохранялась и в середине XVII в. Например, по наблюдениям З.В. Дмитриевой, в Рукине Слободке в разных ключах за период 1665–1668 гг. место жительства сменило от 26,2% до 37% крестьян [18, с. 15].

¹⁰ З.В. Дмитриева показала связь указной грамоты, составления вытных книг 1559 г. и масштабной выдачи монастырским крестьянам хлебных ссуд [18, с. 27].

⁵ Хорошая преемственность поселенческой структуры XVI и XVIII вв. на Ухтоме позволила определить, что при проведении писцового описания в середине XVI в. деревни описывались последовательно, выстраиваясь в пределах вотчины в непрерывную непересекающуюся линию. Следовательно, вполне возможно, что и на Белоозере использовался этот принцип, а его учет поможет в будущем более точно определить местоположение поселений, запустевших в XVII–XVIII вв.

⁶ Выделение в крупных владельческих комплексах отдельных частей (ключей) характерно для кирилловской организации управления вотчиной [24, с. 194–196].

село Покровское да 7 деревень дал игумен Матфей з братьею князю Семену Ивановичу Кемскому, жити ему в том селе и в деревнях до своего живота. А после его живота то село и з деревнями игумену з братьею взяти в монастырь. А на том так игумену Матфею з братьею со князем Семеном и торг был, что ему в том селе и в 7 деревнях жити до своего живота» [6, с. 263]. Значит, восемь поселений (село и семь деревень) на момент составления вытных книг оставались во владении князя Семена Ивановича и именно поэтому не были в них включены. Еще два поселения – Каргач и Чуржа и в 1540-е, и в 1550-е, и в 1601 г. были пустошами. Следовательно, и они в вытных книгах не должны были упоминаться. Так находится объяснение разнице в 10 поселений между купчей и переписной книгой 1601 г., с одной стороны, и вытными книгами – с другой.

Установить названия поселений, оставшихся на время во владении князя Семена Ивановича, помогает сопоставление всех трех списков (1556/57, 1559 и 1601 гг.). Простое сравнение списков деревень в вытных книгах и в переписной 1601 г., желаемого результата не дает. В этих списках совпадают названия 77 поселений, а не отождествленными остаются 18 поселений вытных книг и 28 поселений переписной книги. Решить проблему помогает сопоставление перечня из 28 неотожествленных поселений с купчей 1556/57 г. Именно благодаря этому выясняются названия 10 поселений, которые упомянуты в купчей, не названы в вытных книгах, а затем снова появляются в составе монастырской вотчины в 1601 г. Удалив из этого списка две пустоши (Каргач и Чуржа), получаем названия тех восьми поселений, которые остались в пожизненном владении за князем Семеном Ивановичем. Это Тетляково, Калитино, Друшково, Дряблное, Тщаниковская, Тиманова, Конева, Кириллова. Одно из этих поселений – Тетляково между 1533 и 1541 гг. являлось владельческим центром вотчины Семена Ивановича, здесь размещался княжеский двор [26, с. 119]. Получается, что он предпочел остаться жить не в Покровском, а в своей старой резиденции в сд. Тетлякове, которое располагалось рядом. Здесь же, поблизости от Покровского и Тетлякова, по всей видимости, находились и остальные деревни, выделенные на прожиток Семену Ивановичу. Исключение составляет д. Конева, располагавшаяся ниже по течению Кемы, неподалеку от ее впадения в Белое озеро. В свою очередь, сохранение деревнями, оставшимися во владении Семена Ивановича, своих названий, зафиксированных еще описанием 1540-х гг., подтверждает предположение о связи между сменой названий и появлением в вотчине нового крестьянского населения. Всего в переписной книге 1601 г. значится только 23 поселения, названия которых сохранились с 1540-х гг. Надо полагать, что в выделенных Семену Ивановичу деревнях осталось их старое население (при том что в Тетляково, Калитино и Друшковском жили непосредственно княжеские люди и староста), чем и обусловлена 100% преемственность топонимической номенклатуры этой части кемской вотчины. Для остальной части вотчины эта доля менее 15%.

В кемской вотчине можно проследить и то, как монастырские власти подстраиваются под изменения

в налоговом законодательстве. По писцовой книге Ф.Ф. Хидырщикова на территории, которая в будущем составит кемскую вотчину Кирилло-Белозерского монастыря, располагалось два сельца, 94 жилых деревни, шесть пустых деревень и три пустоши. В них жило 150 крестьян в 141 дворе (плюс 17 княжеских слуг в 17 дворах). По монастырским вытным книгам в кемской вотчине значилось село и 94 деревни. В них числилось 175 жильцов обработавших 93,5 вытей. Суммарный оброк составлял 26 руб. [6, с. 263–270]. В переписной книге вотчин Кирилло-Белозерского монастыря 1601 г. указано тянущими к селу 102 деревни и две пустоши. В них числилось 64 выти, а оброк составлял 34 руб. [6, с. 391–394]. По писцовой книге 1627 г. в общей сложности в Кеме было 78 жилых поселений и 38 пустошей, 130 жилых крестьянских и 33 бобыльских двора, в которых жило 184 семьи (соответственно 150 крестьянских и 34 бобыльских) [20, л. 980–994]¹¹. По переписной книге 1646 г. в кемской вотчине числилось 145 крестьянских и 63 бобыльских двора, в которых числилось 582 человека (450 крестьян и 132 бобыля) [20, л. 995–1005]. Итог развития монастырской вотчины зафиксирован в материалах Генерального межевания. К концу XVIII в. в кемской вотчине было 47 деревень, а в них 149 дворов [21, л. 102 об.].

В целом сопоставление разновременных описаний вотчины позволяет выявить ряд интересных закономерностей. Наглядно видна причина обмена владениями, совершенная Семеном и Александром Ивановичами в 1556/57 г. Приобретенные Семеном Ивановичем в результате этой сделки земли, непосредственно граничили с его основной вотчиной и, учитывая последовавшую за этим продажу всей вотчины Кирилло-Белозерскому монастырю, князь в этом случае действовал уже непосредственно в интересах духовной корпорации. Примечательна возможность реконструкции состава и расположения вотчины, выделенной на прожиток Семену Ивановичу, которая располагалась в непосредственной близости от его старой резиденции. Как представляется, вполне зримо видна мобильность крестьянского населения вотчины (как минимум при переходе ее во владение монастыря) и связанная с этим неустойчивость в именовании поселений. Показательна и разность в подходах к управлению вотчинным хозяйством у крупного светского землевладельца и еще более крупного духовного. Например, сразу же после перехода вотчины во владение монастыря произошла оптимизация внутривотчинного управления и ее разделение на трети. Заселены оказались ранее пустовавшие деревни (кроме двух пустошей). Одним из возможных следствий децентрализации управления, видимо, стало усложнение внутри вотчины приходской структуры, появление храмов в локальных кустах поселений. Параллельно с этим шло сворачивание поселенческой активности на периферии локальных кустов и стягивание населения к берегам крупнейших водных объектов (реки и озера). Такие подвижки в поселенче-

¹¹ Для писцовых описаний 1620-х гг. характерен перевод крестьян в категорию бобылей, что видно как в масштабах всей кирилловской вотчины, так и на примере вотчины в Кеме [22, с. 279–281].

ской структуре, характерные и для других владений, вероятно, были вызваны подстройкой под изменения в налоговом законодательстве.

Литература

1. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. В 3 томах. Том 2. – Москва : Наука, 1958. – 727 с.

2. Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства. – Санкт-Петербург : Археогр. комис. 1838. – 511 с.

3. Акты, относящиеся до гражданской расправы Древней России. В томах. Том 1 / собрал и издал А. Федотов-Чеховский, орд. проф. – Киев : Типография Давиденко, 1860. – 500 с.

4. Алексеев, С. А. Служилая вотчина в Белозерском уезде в первой четверти XVII в. / С. А. Алексеев // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – Санкт-Петербург : Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, 2014. – Т. 4. Вып. 3. – С. 101–108.

5. Антонов, А. В. Акты Троицкой Филипповой пустыни XVI века / А. В. Антонов // Архив русской истории. – Москва : Древлехранилище, 2007. – Вып. 8. – С. 337–343.

6. Вотчинные и хозяйственные книги XVI в. Вытные книги, хлебные оброчники и переписная книга вотчин Кирилло-Белозерского монастыря 1559–1601 гг. в 3 выпусках. Выпуск 3. – Москва ; Ленинград : [б.и.]. – 1983. – 496 с.

7. Грязнов, А. Л. «А землю поделят себе по жеребьям»: идея и практика сохранения родового землевладения князей Кемских / А. Л. Грязнов // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Пятое чтения памяти академика РАН Л. В. Милова. – Москва : МГУ, 2017. – Вып. 5. – С. 62–69.

8. Грязнов, А. Л. Белозерские акты XIV – XVI вв. : Исследование и перечень / А. Л. Грязнов. – Вологда : Древности Севера, 2019. – 603 с.

9. Грязнов, А. Л. Белозерские Рюриковичи в XV – начале XVI в. / А. Л. Грязнов // Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века. – Санкт-Петербург : СПбГУ, 2006. – С. 410–433.

10. Грязнов, А. Л. «В Пошехонье на Ухтоме» и Ухтомская волость: XVI – начало XVII века / А. Л. Грязнов // Историческая география. – 2016. – № 3. – С. 318–346.

11. Грязнов, А. Л. Генеалогия князей Ухтомских в XV – XVI вв. / А. Л. Грязнов // Очерки феодальной России. – Москва ; Санкт-Петербург : Альянс-Архео, 2016. – Вып. 19. – С. 94–114.

12. Грязнов, А. Л. Землевладение Белозерских князей и законодательство о землевладении в XVI в. / А. Л. Грязнов

// Комплексный подход в изучении Древней Руси : сборник материалов X Международной научной конференции (9–13 сентября 2019 г., Москва, Россия) : приложение к журналу «Древняя Русь. Вопросы медиевистики». – Москва : Индрик, 2019. – С. 63–65.

13. Грязнов, А. Л. Землевладение князей Кемских в XV – XVI вв. / А. Л. Грязнов // Исследования по истории средневековой Руси. – Санкт-Петербург : Альянс-Архео, 2006. – С. 273–298.

14. Грязнов, А. Л. Кризис родового землевладения князей Ухтомских во второй половине XVI в. / А. Л. Грязнов // Управление и экономика в условиях экономической нестабильности: проблемы и перспективы : материалы научно-практической конференции (г. Вологда, 3 апреля 2014 г.). – Вологда : Вологодский филиал РАНХиГС, 2014. – С. 6–18.

15. Грязнов, А. Л. Родовое землевладение князей Ухтомских. Вотчинные комплексы сел Карповское и Ескино / А. Л. Грязнов // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. – 2012. – № 21 (101). – С. 41–63.

16. Грязнов, А. Л. Родовое землевладение князей Шелешпальских в XV–XVI вв. / А. Л. Грязнов // Историческая география. – 2014. – № 2. – С. 105–151.

17. Дебольский, Н. Н. Из актов и грамот Кирилло-Белозерского монастыря / Н. Н. Добольский. – Санкт-Петербург : Типография А. П. Лопухина, 1900. – Вып. XVIII. – 84 с.

18. Дмитриева, З. В. Вытные и описные книги Кирилло-Белозерского монастыря XVI – XVII вв. / З. В. Дмитриева. – Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2003. – 346 с.

19. Копанев, А. И. История землевладения Белозерского края XV–XVI вв. / А. И. Копанев. – Москва : Наука, 1951. – 254 с.

20. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. – СПбДА. – А1/16.

21. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 1355. Оп. 1. Д. 865.

22. РГАДА. – Ф. 1356. – Оп. 1. – Д. 3038. Межевая дача № 859.

23. РГАДА. – Ф. 281. – Д. 783.

24. Русская историческая библиотека. – Том 2. – Санкт-Петербург, 1875. – № 36.

25. Северный археографический сборник. Выпуск 2. Северные писцовые книги, сотницы и платежные XVI в. – Вологда : ВГПИ, 1972. – 484 с.

26. Шумаков, С. А. Обзор грамот Коллегии экономии / С. А. Шумаков. – Москва, 1900. – Вып. 2. – 208 с.

A.L. Gryaznov

PRINCELY AND MONASTIC LAND OWNERSHIP IN KEMA ACCORDING TO THE DESCRIPTIONS OF THE MID-16th – MID-17th CENTURIES

The article investigates a large princely estate transformation after its transition to the latifundium of the Kirillo-Belozersky monastery. The completeness and comparability of the state and intra-estate descriptions make it possible to identify the difference in managing the estate economy by a large secular landowner and even a larger ecclesiastical one.

Land ownership, estate, monastery, princes, Belozerye, acts, cadastres.